

Тюменские бузотёры

Вспоминая тюменскую старину, мы уже говорили о кулачных боях, в которых сходились наши предки. Не так давно судьба свела меня с интересным человеком, собирающим сведения об этой ушедшей традиции – Андреем Александровым. Проведённые им исследования показывают: то были не банальные драки, а особая культура со своей иерархией и правилами. Сегодня мы вместе попытаемся проникнуть в этот исчезнувший мир тюменских бузотёров.

Бусарга сарайская

На кулачный бой выходили целые районы города, зачастую сражения годами происходили на одном и том же месте – на Туре, возле ж.д. вокзала, у водокачки и т.д. Главными заводилами в этом деле были артели кулачных бойцов - в Тюмени их почему-то называли «парижане», «бусарга» или просто «тёплые ребята». Каждая из них контролировала чётко определённый район и строго наказывала чужаков, нарушавших его границы. Во главе артели стоял атаман, настоящее имя которого обычно заменяла кличка. Он принимал в артель новых бойцов, вершил суд над провинившимися и руководил боем. Если во время стычки атаман бросал перед собой на землю шапку, это означало приказ: стоять насмерть: «Атаман снял серу шапку/на дорогу положил./Вынул ножик из кармана./И сказал: не побежим».

Обычно у атамана было два-три помощника, но главной ударной силой служили «расписные драчуны». Так называли особо яростных бойцов, которые как бы расписывались перед артелью в том, что будут биться за неё всегда и везде. Во время боя расписного нередко прикрывало двое «халявщиков» - так называли бойцов, скрывавших нож за «халявой» (голенищем сапога). Но самыми опасными считались «резаки» (они же «головорезы» или «оторви головы») – бойцы, готовые убить по приказу атамана, кровью отомстить за товарища. А вот «задиры» славились скорее острым языком, нежели кинжалом. Они выходили вперёд перед стеношным боем, чтобы специально подготовленными дразнилками, частушками, а то и просто ершистыми словечками раззадорить противника, выставить его на посмешище перед своей ватагой. Особая роль отводилась гармонисту – он был чем-то вроде боевого знамени артели, которым гордились и тщательно охраняли от врага. Перед боем он начинал играть особый мотив – «бузу» - от которого в жилах бойцов вскипала кровь и темнело в глазах от ярости. Во время стычки особой удачей считалось добраться до гармониста противника и ножом проткнуть меха гармони – на этом бой прекращался. «Заиграйте мне "под драку"/,пора драку начинать./Неприятелю собравшись,/будем головы ломать».

Тюменского кулачника видно было за версту: огромные шаровары, калоши на босу ногу, картуз, рубаха с воротником до ушей, а поверх неё пиджак, одетый на одну руку. За всем этим антуражем стоял не просто форс, но и давняя традиция, кстати, весьма практичная. Широкие штаны давали большую свободу для ударов ногами. Калоши или сапоги прикрывали стопу и голень от ударов, а нередко и скрывали ножик за голенищем. При задержании полицией сарайская шпана обычно представлялась «сапожниками», которым без ножа или шила ну никак нельзя. «По Сараям – все сапожники», - иронично отмечала тюменская газета в 1925 году.

В пиджак обычно вдевали только левую руку, оставляя правую свободной для боя. Левый рукав хорошо защищал руку от ударов палкой или ножом, были даже специальные приёмы. Бывалый «парижанин» по одежке не только встречал, но и определял настроение соперника. К примеру, пиджак, одетый на одну руку, означал вызов, готовность к бою. Ещё большей дерзостью считалось накинуть пиджак на плечи, не продевая при этом руки в рукава – так демонстрировалось презрение к опасности. А вот, если парень брал пиджак за ворот и перекидывал через плечо, все понимали – он хочет спокойно уйти, не участвуя в бое,

и это его право. Тот же пиджак, накинутый на плечи девушки, говорил, что она занята и отбить её можно только после того как она уйдёт.

Картуз тоже мог многое рассказать о настроении хозяина. Надвинутый на глаза он говорил о нервозности бойца и нежелании биться: «не суйся – получишь нож». А вот сдвинутый на затылок, напротив, означал стремление схватиться с неприятелем. Некоторые исследователи полагают, что традиция носить шапку набекрень идёт из древних конных схваток, когда она могла мешать взмаху саблей над головой. В это нетрудно поверить, ведь кулачный бой как и настоящий имел свои правила.

Бой подайте!

Место стычки назначалось заранее и готовились к предстоящему сражению тоже заблаговременно. В это время бойцы обматывали рукава на запястьях кожаными ремнями, берестой или материей. Зимой намораживали рукавицы, раз за разом окуная их в прорубь, пока ледяная корка не застывала намертво. Кое-кто заготавливал свинцовые кастеты и отливки, но их применение жестоко каралось: провинившегося окружали свои и чужие и избивали до полусмерти.

В назначенный день самые заядлые бойцы с гармонистом обходили округу, собирая желающих побузиться. К месту схватки шли всей толпой, распевая под звуки гармони задорные частушки. Затем вперёд выходили малыши-зажигальщики от семи до двенадцати лет, чтобы с криком «Бою подайте!» ринуться на противника. Атаманы подзадоривали их, сбивая в плотную кучу, а собравшиеся бойцы тем временем всё больше приходили в воинственное настроение. Наконец, одна из сторон «давала тягу», то есть бросалась наутёк, преследуемая победителями.

Тюменский купец Николай Чукмалдин вспоминал в 1863 году, что порой происходило несколько таких стычек и только в сумерках началась настоящая схватка с участием взрослых бойцов. В грандиозных свалках, устраивавшихся на льду Туры, сходились по 500-600 участников. Бились, по свидетельству очевидцев, жестоко, напористо, яростно. Обычно уже через полчаса одна из сторон пробивала стенку и бросалась преследовать побеждённых. Картину эту созерцали многочисленные зрители, среди которых бывали именитые купцы, отцы города. Проникаясь всеобщим азартом, они дрожали от восторга, притопывали ногами и кричали что есть мочи: «Дерись наша! Даю четвертной на водку! Ставлю ведро!». Впрочем, азарт этот был скорее спортивным, настоящей злобы к противнику никто не испытывал. Тот же Чукмалдин отмечал, что после боя победители и побеждённые мирно толпились в одних кружках, с жаром доказывая друг другу, что вот уж в следующий раз...

Тюменские власти в целом смотрели на кулачные бои сквозь пальцы, нередко стражи порядка сами принимали в них участие, по крайней мере, в качестве зрителей. Периодические попытки искоренения бойцовской традиции не возымели никакого успеха. Когда в 1863 году тюменский городничий потребовал от толпы бойцов немедленно разойтись во исполнение указа правительства, то в ответ услышал: «уйди барин, у нас это испокон веков заведено» (и благоразумно последовал этому совету). Полвека спустя полиция обливала собравшихся на речном льду бойцов ледяной водой из брандспойта – с тем же результатом. Даже советской власти долго не удавалось справиться с этой стихией. Когда в 1923 году милиция задержала участников боя в Мартовской слободке (район ТЦ «Гудвин»), те объяснили своё поведение вполне в духе времени: «Физическим развитием занимаемся. В спортсмены записались - большое удовольствие видим в этом!».

Ещё сто лет назад современники спорили о том, что такое кулачный бой – злобное хулиганство или народная забава. И хотя однозначного ответа до сих пор не найдено, Андрей Александров не скрывает надежды устроить однажды настоящую тюменскую «стенку» - ведь это тоже наша история...